

Народный артист России Анатолий Васильев сыграл несчетное количество ролей в кино и театре. Кому-то запомнился его Ненароков в легендарном «Экипаже». Кто-то с теплотой вспоминает его гитариста-мечтателя Вэла в изумительном спектакле «Орфей спускается в ад» Театра Российской Армии. Кто-то помнит генерала Шубникова, а кто-то — Агамемнона или Макбета.

Светлана КУЗИНА

— Анатолий Александрович, вы более 20 лет проработали в Театре Российской Армии, играли главные роли. И вот уже третий сезон, как вы перешли в Театр имени Моссовета, что для многих стало неожиданностью...

— На самом деле меня в «Моссовет» приглашали давно — лет восемь назад, наверное. Но в силу личных причин я не мог уйти из Театра Армии. А сейчас я играю у моссоветовцев уже четвертую роль за эти три года. И получаю удовольствие! В театре Моссовета прелестные люди, очень легкая атмосфера, ощущение того, что здесь может состояться что-то интересное. Это очень демократичный театр. Его художественный статус, эстетика совершенно иные, чем в Театре Армии. И мне здесь очень хорошо.

— А в кино сейчас снимаетесь?

— Я снялся недавно в картине «На заре туманной юности» — об Алексее Кольцове (она, на мой взгляд, не очень удачной получилась). Сыграл там родственника Кольцова Башкирцева, который помогал поэту — денег ему подбрасывал время от времени. Вообще Башкирцев был известным человеком в Воронежской губернии — местный Савва Морозов, гуляка, любитель искусства, женщин и... «Каберне»!

— А сколько у вас всего фильмов?

— Фильмов много! И в основном — центральные роли. Первая моя роль — Микола Дымов у Бондарчука в чеховской «Степи». Ворвался в кинематограф! С удовольствием вспоминаю телевизионную картину «Михайло Ломоносов». В первых четырех сериях я играл отца маленького Миши Ломоносова. Забавно и интересно было работать.

Был удачный, на мой взгляд, фильм о деревне «Близкая даль». Я там играл с Жанной Прохоренко. Помню, снимали эпизод нашего свидания с ней. Сидим, целуемся. Слышим вдруг: «Стоп!.. Съемка закончена!» Мне говорят: «Ты посмотри на нее!». Смотрю, а на ней висят мои усы — переклеились в процессе... В кино, к счастью, я много работал. Около

50 фильмов у меня точно было!

— Добавьте еще — в счастливые время! Тогда не было сплошной «чернухи», как сейчас.

— Ну и что «чернуха»? Тут как-то меня пригласили сыграть одного страшного человека — оборотня — в картине «Ваши пальцы пахнут ладаном». Я согласился. С молодыми ребятами поработал. Мне было интересно. Они от меня чего-то ждут, я — от них. Происходило такое взаимопонимание, взаимообогащение, что тоже хорошо.

— Я чувствую, вы — оптимист! А многие плачутся, считают, что впереди ждет только плохое...

— Нет-нет! Почему же плохое? Например, «Серебряный век» открыл нам столько поэтов! А ведь это тоже было очень непростое время.

— Но денег-то нет на культуру! Безработные актеры...

— Ну сказать, что не в деньгах счастье, это вроде бы неправильно. И талантливому человеку, как и всем, нужны деньги. Но... деньги нужны были всегда. Их всегда не хватало. В общем-то, их никогда и не было!.. Другое дело, что сейчас слишком ярко выявилось неравенство: кто-то имеет очень много, а кто-то совсем мало. Но все равно — надо идти своей дорогой.

— «Неси свой крест и веруй?..»

— Да. Так лучше. Так честнее. — Тогда какие принципы для вас являются определяющими, вашим «кодексом чести»?

— Самое главное, наверное, чего я очень боюсь, всегда болезненно переживаю и что меня ранит — это человеческая униженность. Поэтому я стараюсь быть предельно честным, открытым и нести добро как могу. У меня были разные моменты в жизни, как у каждого человека. Но в результате я понял, что по-настоящему живу и мне приятно жить только тогда, когда я знаю, что приятно окружающим и между нами... любовь! Любовь в том самом смысле!.. Так нужно. Так лучше. Так легче! И я никогда не переносу свои тяготы на другого человека. Я считаю, что не имею на это права!

Вех. Москва. - 1998. - 17 июня. - с. 7.

Анатолий Васильев:

Между людьми должна быть любовь

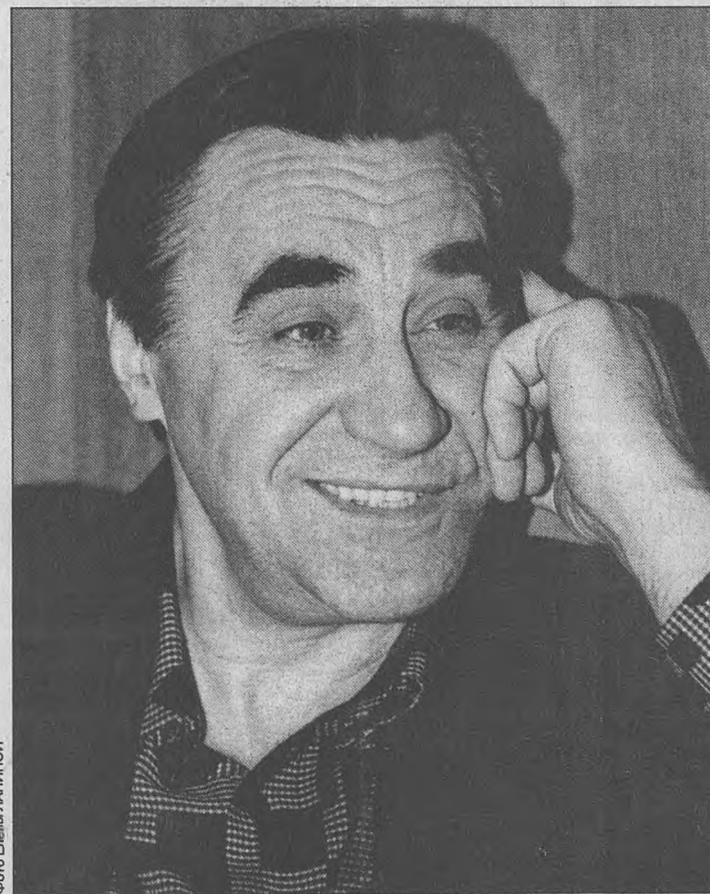

Фото Елены ГЛАДИНОЙ

— Мало кто знает, что в одном из ваших самых известных фильмов — «Экипаже» вместо Леонида Филатова начал сниматься Олег Даль — актер-легенда. О нем сейчас рассказывают массу противоречивых вещей. А каким его знали вы?

— Он был интереснейшим человеком! Светлая, умнейшая личность, чудный совершенно

парень, талантливый артист. Нет, я о нем могу сказать только хорошее. Он был умницей, настоящим интеллигентом. Таких актеров, каким был Даль, у нас нет, даже похожих на него по типажу. Нет! Его не с кем даже сравнить!

— Мне кажется, его любили по-настоящему. К нему просто неприменимо понятие «секс-символ», такое модное сейчас.

— Абсолютно неприменимо! Он был любим, когда еще в помине не было всей этой секс-фигни!.. А сейчас вообще у меня такое ощущение, что мужики все вымерли и остались одни полуголубые, полу... не знаю, какие! Мне непонятно все это! Хотя на отдельные их проявления мне иногда любопытно смотреть. Когда, например, Борис Моисеев с накрашенными губами и глазами говорит с экрана: «Я вас всех целую-ую!».. Ну все! Приехали!.. Ладно. Хорошо одного такого иметь, даже интересно. Но он же не один!.. Иного называют «секс-символом», а он, оказывается, вообще никакого отношения к сексу не имеет, а к женщинам — тем более!

— Анатолий Александрович, вы работали со всемирно известным режиссером Питером Штайном, играли в его «Орестее»...

— Да. Штайн — это иная культура и совершенно иной подход к театру. И пьеса, которой две тысячи лет, была переведена им и переработана. Задача была серьезная! А для Штайна очень важен был синтез: как эта русская душа, русская кровь, так сказать, сыграет в немецкой режиссуре, под воздействием такого мощного титана, как Эсхил. Для Штайна это было в первую очередь грандиозное шоу! И мы были ему не просто интересны — необходимы! Это очень чувствовалось. Происходило взаимопознание друг друга. Такого чувства партнерства, чувства ансамбля я никогда не ощущал в российских спектаклях.

— Но «Орестея» имела больший успех на Западе, чем в России.

— Можно сказать, что так. Все же началось с известного анекдотического возмущенного высказывания бывшего маршала Язова: «...Какой-то немец будет ставить какого-то грека у нас в Театре Армии?!!». Это было сказано! И, естественно, невозмож-

но сравнить то, как нас принимали здесь и на Западе. Там поначалу было странно, но и очень трогательно видеть: весь зал сидит с книжками — переводным экземпляром пьесы! И свет в зале притушен лишь наполовину — чтобы люди могли читать и сравнивать. И все читают! Это им интересно! В Италии, например, мы играли в горах, под открытым небом, под звездами. Ветерочек, галка шуршит под ногами: все озвучено самой природой, естественные звуки работают на спектакль! Слово вернулось временно Эсхила! Это было потрясающее впечатление на всю жизнь!

— В фильмах вы всегда — прекрасный отец. А какие у вас отношения с вашими детьми? Есть ли у них актерские наклонности?

— Сыну Илье пятнадцать лет. Ему нравится моя профессия, он уважительно к ней относится, но — не более. Дочке — пять. Я ей придумал имя: Варвара! Она и в самом деле такая... Варвара! Мы с ней ходим на балеты, и ей, видимо, нравится это. Она включает себе музыку: Равеля или Бизе — «Кармен», и танцует. Придумывает что-то, импровизирует. Я беру видеокамеру и снимаю. А она может так танцевать час, два, три... Я стараюсь просто не спугнуть природу, только и всего. Не знаю, какой из меня воспитатель. Я детей обожаю! Я им очень много времени отдаю. Знаю много замечательных детей именно у актеров, моих друзей. Не знаю, как рос, например, Шурик Лазарев, но он мне очень симпатичен. Мне так приятно, что интересный парень, прекрасный артист вырос в актерской семье. Но мне знакомы и такие семьи, где дети стали не актерами, а историкам, физиками и по-настоящему увлечены своим делом. Знаю много семей, где детьми практически не занимаются. Но я своими всегда занимаюсь, даже если тяжело, даже если у меня спектакль или я уставший приехал со съёмки. А по утрам у нас — детские спектакли... Я мог бы, конечно, в театр жену отправить. Но я надеваю пальто и иду сам. А уже где-то после антракта мне становится хорошо — я в театре! Я посмотрел все детские спектакли. Я всех своих друзей-коллег вижу в детских спектаклях. Я рад, что могу показать своим детям эти спектакли и своих друзей. Мне, как, наверное, каждому отцу, хочется одного: чтобы дети меня запомнили! Чтобы не говорили потом: «Ну да! Мама всегда была с нами, а он вечно придет уставший, ляжет и читает...»